

Александр Николаевич Островский

Воспитанница

Александр Николаевич Островский
Воспитанница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119262

Содержание

Александр Николаевич Островский	4
ЛИЦА:	5
I	7
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	8
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	11
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	18
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	20
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	23
II	24
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Александр Николаевич
Островский
Воспитанница**

Сцены из деревенской жизни

ЛИЦА:

Уланбекова, старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, черными густыми бровями; тип лица восточный, небольшие усы. Набелена, нарумянена, одета богато, в черном. Помещица 2000 душ.

Леонид, ее сын, 18 лет, очень красив, немного похож на мать. Одет по-летнему. Учится в Петербурге.

Василиса Перегриновна, приживалка, девица 40 лет. Волос мало, пробор косой, коса зачесана высоко, с большой гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдает зубами; желтая шаль около самого горла заколота булавкой.

Потапыч, старый дворецкий. Галстук и жилет белые, фрак черный. С виду важен.

Надя, 17 лет, любимая воспитанница Уланбековой, одета как барышня.

Гавриловна, ключница, пожилая женщина, полная, с открытым лицом.

Гриша, мальчик лет 19, любимец барыни, одет франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое.

Неглигентов, приказный, очень грязный молодой человек.

Лиза, горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; в белом платье, лиф которого короток и сидит неловко;

на шею маленький красный платочек, волосы очень напомажены.

Крестьянская девушка, лакей и горничная без речей.

Действие происходит весной, в подгородной усадьбе Уланбековой.

I

Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решетка, отделяющая сад от поля.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Надя и Лиза.

Надя. Нет, Лиза, ты этого не говори: какое же может быть сравнение жить в деревне али в городе!

Лиза. Какая же такая особенная жизнь в городе?

Надя. Там уж все другое; и люди не те, да и порядок совсем другой.

Садятся на скамью.

Когда мы были с барыней в Петербурге, так это только поглядеть надобно было, какие к нам господа ездили, и как у нас было убрано в комнатах; опять же барыня везде брала меня с собой, даже и в Петергоф мы ездили на пароходе, и в Царское Село.

Лиза. То-то, я думаю, хорошо!

Надя. Уж так прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, как хочешь тебе рассказывай, если ты сама не видала, так ничего не поймешь. Еще тогда у нас гостила барышня, племянница барыни, так я с ней по целым вечерам разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Лиза. Об чем же вы с ней разговаривали?

Надя. Ну, разумеется, все больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах. Так как они часто бывают на балах, так и рассказывали, какие у них там разговоры бывают, и кто им больше нравится. Только уж какие

эти барышни!

Лиза. А что?

Надя. Бойки очень. И откуда они все это знают! А потом мы целую зиму жили в Москве. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Уж и держишь себя не так и разговор стараешься иметь особенный.

Лиза. Да к чему же нам себя облагороживать-то! Кому это нужно!

Надя. Как к чему? А вот барыня обещали меня выдать замуж, так я стараюсь так себя образовать, чтоб меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какие жены у наших чиновников, ну на что это похоже? Я в десять раз лучше их понимаю жизнь и обращение. У меня теперь только одна и надежда выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!

Лиза. Дай тебе бог! А замечаешь, как за тобой барин молодой ухаживает?

Надя. Напрасно он ухаживает. Что ж, конечно, он мальчик хорошенький, даже, можно сказать, красавец; только от меня ему ничего не дожидаться; потому что я совсем не таких правил и, напротив того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на уме, что выйти замуж.

Лиза. И замужем иногда тоже житье-то не радость! Другой такой чадо навяжется, что не накажи господи!

Надя. Что ж мне за радость идти за такого! Я, слава богу, могу в людях разобрать: кто хорош, кто дурен. Это сейчас по обращению и по разговору видно. А вот барыня так напрасно это делают, что нас в такой строгости держат и беспрестанный присмотр за нами имеют. Мне даже обидно! Я такая девушка, что без всякого присмотра могу хорошо себя понимать.

Лиза. Кажется, барин идет.

Надя. Так пойдем.

Встают и уходят. Входит Леонид с ружьем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонид и потом Потапыч.

Леонид. Погодите! Куда вы, куда вы! Что это они всё от меня бегают? Никак их не поймаешь.

Стоит задумавшись. Молчание.

Девушка (*поет за решеткой*).

Никак невозможно без печали жить!

Любить друга можно, нельзя не тужить.

Леонид (*подбегая к решетке*). Какая ты хорошенькая!

Девушка. Хороша, да не ваша.

Леонид. Поди сюда!

Девушка. Куда?

Леонид. Ко мне в сад.

Девушка. А пошто я к тебе пойду?

Леонид. Я поеду в город, тебе сережки куплю.

Девушка. Молоденек еще! (*Громко смеется и уходит.*)

Леонид стоит, повеся голову и задумавшись. Входит Потапыч в охотничьем платье, с ружьем.

Потапыч. За вами, сударь, не поспеешь; у вас ножки-то

молоденькие.

Леонид (*все еще задумавшись*). Ведь все это, Потапыч, мое будет.

Потапыч. Все, сударь, ваше, и мы все ваши будем... Как, значит, при барине, при покойнике, так все равно и вам должны... Потому одна кровь... Уж это прямое дело. Конечно, продли бог веку вашей маменьке...

Леонид. Я уж тогда, Потапыч, служить не стану, прямо в деревню приеду, здесь и буду жить.

Потапыч. Нельзя, сударь, вам не служить.

Леонид. Ну да, как же! Нужно мне очень! Еще писать заставят! (*Садится на скамейку.*)

Потапыч. Нет, сударь, зачем же вам самим дело делать! Уж это не порядок! Вам такую службу найдут – самую барственную, великательную; работать будут приказные, а вы будете над ними надо всеми начальником. А чины уж сами собой пойдут.

Леонид. Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут!

Потапыч. Что ж мудреного!

Леонид. А что, как я буду виц-губернатором, ты меня будешь бояться?

Потапыч. Чего же мне бояться? Это другие точно должны раболепствоваться, а нам все равно, вы наш барин; для нас даже еще чести больше.

Леонид (*не слушая*). А что, Потапыч, много у нас хоро-

шеньких девушек?

Потапыч. Вот, видите ли, сударь, если взять в рассуждение, так оно точно, как девушек не быть! Есть и в вотчине, и в дворне; только притом же надобно сказать, что у нас на счет этого строгости большие. Наша барыня, по их строгой жизни и по своему богомольству, очень за этим наблюдают. Теперича возьмите то: воспитанниц и горничных, которых любят, сами замуж отдают. Коли где им человек понравится, за того и отдают, и приданое дают, не большое – этого нельзя сказать. У нас всегда воспитанницы две или три не переводятся. Возьмут у кого-нибудь девочку, воспитают ее; а как минет лет семнадцать или восемнадцать, так без всякого разговора и отдают замуж, за приказного или за мещанина в город, как им вздумается, а иногда и за благородного. Да, сударь, да! Только какое житье этим воспитанницам, сударь! Беда!

Леонид. А что?

Потапыч. Уж очень строго. Скажут: я тебе нашла жениха, и вот, скажут, тогда-то свадьба, ну и конец, тут уж разговаривать ни одна не смей! За кого прикажут, за того и ступай. Потому что, сударь, я рассуждаю так, кому же приятно, давши воспитание, да видеть непокорность. А бывает, сударь, и так, что и жених невесте не нравится, и невеста жениху: так уж тут очень гневаются. Так даже из себя выходят. Пожелали они одну воспитанницу отдать за лавочника в город, а он, человек неполированный, вздумал, было, сопротивлять-

ся. Мне, говорит, невеста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Так в те поры и городничему жаловались, и отцу протопопу: ну и уломали дурака.

Леонид. Вот как!

Потапыч. Да-с. Они даже и у знакомых у кого, если увидят девушку, так сейчас и ищут ей жениха. Наша барыня так рассуждают, что они глупы; если теперича над ними попечения не иметь, так они зря и проживут, без всякого порядка. Точно так, сударь. Некоторые даже, по своей глупости, прячут девок-то от барыни, чтоб они как-нибудь на глаза не попались; потому тут им уж и конец.

Леонид. Так она и чужих точно так же?

Потапыч. И чужих. На всех свою заботливость простирают. Такое доброе сердце имеют, что обо всех беспокоятся. И уж очень сердятся, когда без их спросу делают. А уж как о своих воспитанницах заботятся, так это на редкость. Одевают их, как бы истинно своих родных дочерей, и иногда с собой кушать сажают, и работать ничего не заставляют. Пускай, говорят, смотрят все, как у меня живут воспитанницы; хочу, говорят, чтоб все им завидовали.

Леонид. Что ж, это хорошо, Потапыч.

Потапыч. И какое трогательное поучение делают, когда замуж отдают! Вы, говорят, жили у меня в богатстве и в роскоши и ничего не делали; теперь ты выходишь за бедного, и живи всю жизнь в бедности, и работай, и свой долг исполняй. И позабудь, говорят, как ты у меня жила, потому что не

для тебя я это делала: я себя только тешила, а ты не должна никогда об такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и из какого ты звания. И так чувствительно, даже у самих слезки.

Леонид. Что ж, это хорошо.

Потапыч. Не знаю, как сказать, сударь. Как-то все скучают замужеством-то потом, сохнут больше.

Леонид. Отчего же, Потапыч, сохнут?

Потапыч. Должно быть, не сладко, коли сохнут.

Леонид. Странно это!

Потапыч. Мужья-то больше всё разбойники попадаются.

Леонид. А, вот что!

Потапыч. Уж очень все льстятся на наших воспитанниц, потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают. Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотят из суда или и вовсе выгнали, он сейчас к барыне к нашей с жалобой, и они уж за него горой, даже самого губернатора беспокоют. И уж этот приказный в те поры может и пьянствовать, и все; и уж никого не боится; только разве когда сами поругают или уж проворуется очень...

Леонид. А скажи, Потапыч, отчего это девушки бегают от меня?

Потапыч. Как же им не бегать, им нельзя не бегать, сударь!

Леонид. Да отчего ж нельзя?

Потапыч. Хм! Отчего? По тому самому, как вы еще в малолетствии, так барыня хотят вас соблюсти как должно: ну, и их тоже соблюдают.

Леонид. Соблюдает, ха-ха-ха!

Потапыч. Да-с! Уж это верно! Разговор был об этом. Вы как есть ребенок, все равно что голубь, ну а девки глупы.

Молчание.

Да что ж, сударь: маменька ваша обыкновенно должны строгость наблюдать, потому как они дамы. А вам что на них смотреть! Вы сами по себе должны поступать, как все молодые господа поступают. Уж вам порядку этого терять не должно. Что ж вам от других-то отставать! Это будет к стыду к вашему.

Леонид. Так-то так, да не умею я с девушками разговаривать.

Потапыч. Да вам что с ними разговаривать-то долго! Об чем это? Об каких науках вам с ними разговаривать? Нешто они что понимают! Обыкновенно, вы барин, ну вот и конец.

Леонид (*смотрит в сторону*). Кто это там идет? Это Надя, кажется. Ах, Потапыч, какая она хорошенькая!

Потапыч. Она, сударь, мне сродственница доводится, племянница. Ее отец еще покойным барином был на волю отпущен; он в Москве при кондитерской должности находился. Как мать у нее померла, ее барыня и взяли на воспитание и очень любят. А потом у ней и отец теперича помер, значит сирота теперича выходит. Девушка хорошая.

Леонид. Они, кажется, сюда идут.

Потапыч. Ну что ж, пушай.

Входят Гавриловна и Надя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Гавриловна и Надя.

Гавриловна. Здравствуйте, барин хороший!

Леонид (*кланяется*). Здравствуйте!

Гавриловна. А что, барин, чай, вам скучно в деревне-то?

Леонид. Нет, ничего.

Гавриловна. Ну, уж как, чай, не скучать! Ишь, ведь у нас точно монастырь, в сто глаз смотрят. Ну, а вы, известное дело, молодой человек и позабавились бы чем-нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то уток стрелять! (*Смеется.*)

Леонид (*подходя к Гавриловне*). Да, да, Гавриловна.

Надя (*Гавриловне*). Пойдем.

Гавриловна. Куда это идти-то? Ты бы вот, благо барыни-то дома нет, побалагурила б с молодым барином. Молодым людям то и надобно. А какая она у нас умная, барин! И поговорить, и все.

Надя. Ну, что хорошего!

Гавриловна. Да и дурного-то ничего нет! Я молода была, от господ не бегала, да вот не съели же меня. Авось и он тебя не укусит. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить! Прощайте, барин хороший! (*Уходит.*)

Леонид. Отчего вы не хотели со мной остаться?

Потапыч. Что это вы, барин, ей вы говорите, точно барышне.

Леонид. Чего же ты боялась?

Надя молчит.

Потапыч. Говори, что ж ты молчишь! А я, сударь, пойду, мне также к чаю одеться надобно. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леонид, Надя и потом Лиза.

Надя. Конечно, я девушка простого звания, а ведь и нам тоже не хочется, чтоб об нас дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня после таких разговоров замуж возьмет?

Леонид. Ты разве замуж выходишь?

Надя. Да-с. Какая же девушка не надеется когда-нибудь выйти замуж?

Леонид. А у тебя уж есть жених?

Надя. Еще нет-с.

Леонид (*робко*). Если нет жениха, так ты, может быть, влюблена в кого-нибудь?

Надя. Уж вы очень любопытны. Да нет, нечего на себя и лгать, ни в кого я не влюблена-с.

Леонид (*с большою робостью*). Полюби меня!

Надя. Насильно сердце заставить нельзя-с.

Леонид. Отчего же? Разве я тебе не нравлюсь?

Надя. Нет-с, как можно, чтоб вы не нравились! Да вы нам неровня! Какая уж это любовь! видимая погибель. Вот Лиза бежит, должно быть, за мной! Прощайте! Счастливо оставаться!

Уходит. Лиза входит.

Лиза. Барин, пожалуйста! Маменька приехала.

Леонид. Лиза!

Лиза (*подходя*). Что вам угодно?

Леонид (*обнимает Лизу; она вздрагивает от удовольствия*). Отчего Надя меня любить не хочет?

Лиза (*жеманясь*). Как вы, барин, рассуждаете! Наша сестра, уж известно, себя беречь должна!

Леонид. Как беречь?

Лиза (*смотрит ему в лицо и улыбается*). Уж известно как. Что это, словно вы маленький.

Леонид (*печально*). Что же мне теперь? Я уж и не знаю. Все от меня бегают.

Лиза. А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько! Ведь сердце-то у нас тоже не каменное.

Леонид. Да что уж! Я у нее спрашивал: она говорит, что не любит.

Лиза. Ах, вы какой чудной, барин! Да кто ж у девушек прямо спрашивает, любят или нет. Хоть бы другая наша сестра и любила, так не скажет.

Леонид. Отчего же?

Лиза. Потому стыдно. Однако пустите, барин! (*Освобождается*). Вон нимфа-то идет.

Леонид. Приходите уже в сад после ужина, как маменька спать ляжет.

Лиза. Ишь, вы какие проворные!

Леонид. Пожалуйста, приходите.

Лиза. Ну, уж там видно будет.

Входит Василиса Перегриновна.

Барин, чай пожалуйста кушать, маменька дожидается.

Леонид. Хорошо, сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Видела, мой друг, видела.

Лиза. Нечего видеть-то было. (*Уходит*).

Леонид. Ну что ж что видели? Жаловаться, что ли, станете? Так я скажу, что вы лжете. Кому больше поверят: вам или мне? (*Делает гримасу и уходит*).

Василиса Перегриновна. Вот все-то так со мной. Моченьки моей нету! Все сердце изболело. Мученица я на этом свете. (*Срывает с сердцем цветок и обрывает с него лепестки*). Кажется, кабы моя власть, вот так бы вас всех! Так бы вас всех! Так бы вас всех! Погоди ж ты, мальчишка! Уж я тебя поймаю! Кипит мое сердце, кипит, ключом кипит. А вот теперь иди, улыбайся перед барыней, точно дура какая! Эка жизнь! эка жизнь! Грешники так в аду не мучаются, как я в этом доме мучаюсь. (*Уходит*).

II

Гостиная. Прямо отворенная дверь в сад, по сторонам двери, посередине круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из боковой двери выходят: лакей с самоваром и девка с чайным прибором; ставят то и другое на стол и уходят. Гавриловна и Потапыч входят за ними. Гавриловна приготовляет чай. Василиса Перегриновна выходит из саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.